

УДК 930.26

А.Е.Мусин, М.И.Петров*

КОМПЛЕКС ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ С РАСКОПА ПОСОЛЬСКИЙ-2006 В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СТЕАТИТА

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

** Новгородский государственный объединенный музей-заповедник*

During the Posolsky investigation in 2006 the urban farmstead was open, the owner of which had a unique complex of Christian antiquities, dating from the 1160 — 1180th years. Besides the things of South-Russian and European origin it includes pilgrims' relic from the Holy Land, made of the green steatites. By now only one example like this was known in the world, which is in the collection in Berlin. However, it was wrongly dated by the age of early Byzantium. The things, found in Novgorod, enlarge not only our knowledge about old-Russian pilgrims into Palestine deeper, but it also make more precise the chronology of the products of the Byzantine crafts and its social context.

Изучение археологии Славенского конца Великого Новгорода получило новый импульс летом 2006 г. в связи производством охранных исследований перед расширением административного корпуса ООО «Инжстрой» (ул.Посольская, д.4/2). Раскоп площадью 60 кв. м получил название «Посольский-2006». Археологические работы производились под руководством научного сотрудника Центра организации и обеспечения археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (ЦООАИ НГОМЗ) М.И.Петрова. Исторический участок находится в 226 м к северо-западу от церкви св. пророка Ильи на Славне и в 40 м к востоку от р. Волхов. Мощность культурных напластований, сохраняющих органику, на данном участке не превышала 2 м. Хронология слоев эпохи средневековья в целом укладывается в пределы XII в. Доступ-

ная исследованиям историческая территория в раскопе делится на три части (рис.1). Северо-западный угол занимает уличная мостовая, насчитывающая до 9 ярусов. Возможное отождествление улицы с исторически существовавшими городскими магистралями остается дискуссионным. К югу располагаются вошедшие в раскоп участки западной (до 42 кв.м) и восточной (не более 10 кв. м) усадеб, разделенных стабильной границей частоколом. На территории западной усадьбы зафиксировано несколько строительных ярусов, жилая постройка с печью и полом, а так же выявлено постоянно существующее производственное сооружение, огороженное частоколом. Аналогичный комплекс был зафиксирован на усадьбе «П» X-го Троицкого раскопа в Новгороде. На фоне обычного бытового материала выделяются фрагменты пластинчатого доспеха и обрывки кольчуг.

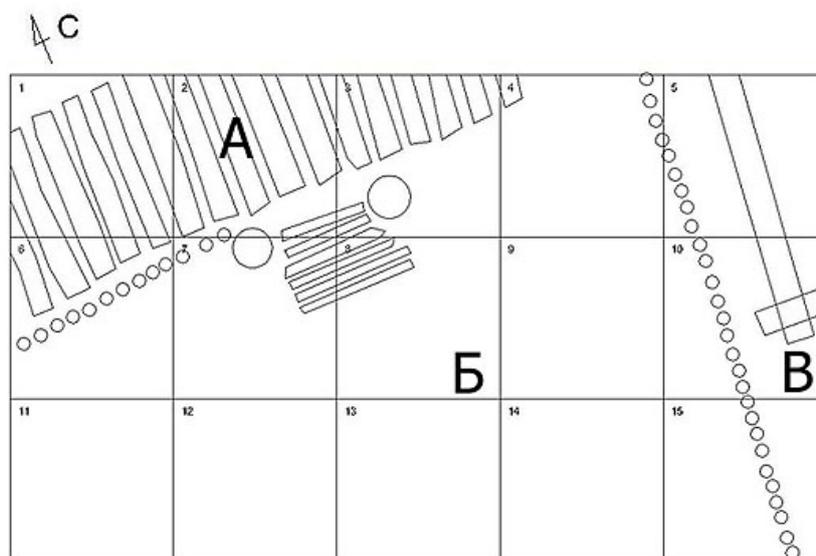

Рис.1. План раскопа Посольский-2006. Великий Новгород, Славенский конец

На восточной усадьбе в верхних напластованиях также прослеживается несколько ярусов застройки. Наиболее значительным строением является сруб со стороной не менее 3,5 м, частично вошедший в раскоп. Сруб с полом и песчано-глиняной подсыпкой под пол сохранился на три венца, он имел жилой характер. Непосредственно на досках пола был обнаружен развал амфоры, представленный более чем 50 фрагментами. Зафиксирован стандартный для XII в. набор бытовых находок.

Однако на усадьбе обнаружен уникальный комплекс христианских древностей, в который входят паломническая реликвия — ставроотека (20×28 мм, 30/32-15-15)*, крест-энколпион (18×30 мм, зачистка восточной стенки раскопа, 30-35 пласты), близкий ему по форме бронзовый крест (14×21 мм, 30-10-26), ажурный металлический крест (25×34 мм, 30-5-20), а также крест с эмалью (28×20 мм, 33-44 пласты). В целом комплекс соответствует 4-му ярусу мостовых, датированному дендрохронологическим методом 1160 — 1180 гг.** Глубина залегания и топография предметов, как и присутствие среди них религиозных импортов, будучи поставлены в связь с находкой развала амфоры, позволяет предположить, что все находки тяготеют к выявленному срубам.

типу IV.6.4. по А.А.Песковой — Г.Ф.Корзухиной [1] (рис.2:1). В настоящее время известно более 60 экземпляров таких реликвариев, происходящих преимущественно из южных областей Древней Руси. На территории Новгородской земли подобный крест был найден лишь однажды на селище Удрай-1 (Батецкий район). Если ранее считалось, что время изготовления подобных крестов укладывается в период 1175 — 1225 гг., то сегодня очевидно, что все типы черневых энколпионов начинают бытовать со второй половины — конца XI в.

Бронзовый крест с прямоугольными ветвями и квадратным выступом в средокрестии несет на обеих сторонах четырехконечные кресты, имитирующие чернь (рис.2:2). Скорее всего, этот тип возник в XII в. как подражание описанным выше энколпионам [2]. Ажурный крест сложной формы, также изготовленный из бронзы, может быть связан с серией крестов прибалтийского круга, имеющего европейское происхождение, и, возможно, является их местной имитацией [3] (рис.2:3). Бронзовый крест с эмалью принадлежит к хорошо известной группе древнерусских крестов, преимущественно изготовлявшихся в Киеве в конце XI-XII вв. (рис.2:4). Посольскую находку от основного типа крестов с парными выступами на

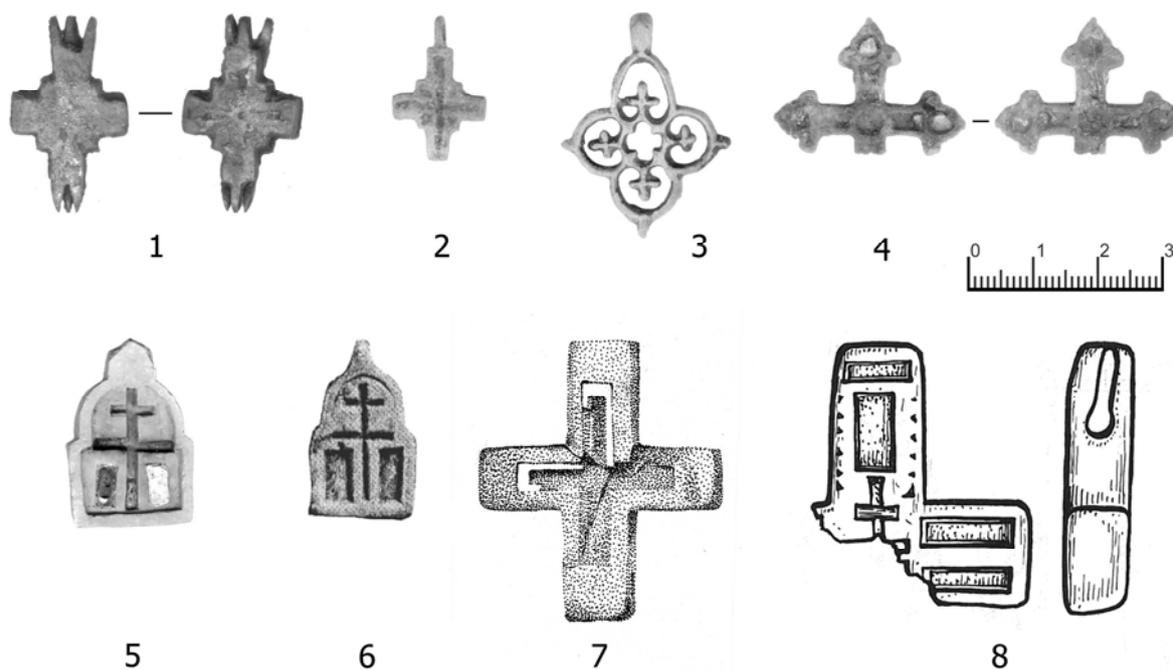

Рис.2. Христианские древности Посольского раскопа и их аналогии: 1 — бронза, чернение; 2 — бронза; 3 — бронза; 4 — бронза, эмаль; 5 — стеатит; 6 — стеатит, Берлин; 7 — камень, Неревский раскоп, Великий Новгород; 8 — стеатит, Нутный раскоп, Великий Новгород

Бронзовый энколпион с прямоугольными ветвями, крестовидным средокрестием и черневым изображением крестов на обеих сторонах принадлежит к

концах отличает криновидное завершение ветвей, которое могло появиться на заключительных этапах бытования всей серии [4].

Однако самой выдающейся находкой рассматриваемого комплекса является паломническая реликвия-ставроотека, изготовленная из светлозеленого стеатита (рис.2:5). Она имеет кивотообразную несколько ассиметричную форму с выбранной ковчезцем сред-

* Шифр находок включает в себя номер пласта — номер квадрата — номер находки в полевой описи. Толщина пласта на Посольском раскопе была установлена в 10 см.

** Авторы благодарят старшего научного сотрудника ЦОАИ НГОМЗ О.А.Тарабардину за любезные консультации.

ней частью и оглавием со стесанными гранями. Сквозной канал для подвешивания отсутствует. Очевидно, реликвия носилась в специальном чехле. На ней вырезано три выемки глубиной 2-3 мм: центральная — в форме шестиконечного креста, а боковые — в виде прямоугольников. В правой выемке сохранилась вставка из белого камня, который возможно отнести к карбонатно-магнезиевым породам типа мергеля***.

На ближневосточное происхождение реликвария указывает как изображение креста, что позволило определить изделие как ставротеху, так и сам стеатит, основным местом добычи которого были каменоломни в Северной Сирии. К тому же эта традиционная форма паломнических реликвий со Святой Земли, где в единой оправе объединяются крест, камешки со святых мест и ампулы с водой из Иордана и маслом от Гроба Господня, сохранилась вплоть до настоящего времени. Очевидно, камни-вставки, сохранившиеся в новгородском реликварии, в сознании паломников были связаны с посещаемыми святыми местами. Археологические находки позволяют сделать вывод о высокой степени консервативности материальной культуры паломничества.

До сегодняшнего дня мировой науке был известен лишь один экземпляр аналогичной ставротехи, происходящий их коллекции Национального музея в Берлине [5] (рис.2:6). Однако ее вставки не сохранились, а сама она была приобретена в Сирии и не имеет археологической даты. И.Калаврезу-Максайнер сопоставляла всю группу миниатюрных изделий из стеатита с ренневизантийским периодом [6]. Новгородский экземпляр не только сделал возможным определить дату бытования таких паломнических реликвий, но и прояснил назначение прямоугольных врезок.

Внимательное обращение к археологическим материалам Великого Новгорода позволило выявить сходные древности. Прежде всего, это четырехконечный каменный крест (1224 — 1238 гг.), найденный на усадьбе «И» Неревского раскопа еще в 1959 г. [7] (рис.2:7). Он имеет в центре крестовидную выемку, украшенную частично сохранившейся внутренней оправой из камня, по внешнему облику напоминающего стеатит. Содержание оправы не сохранилось. Усадьба, где зафиксировано постоянное проживание духовенства во второй половине XII — начале XV вв., была связана с одним из боярских родов Неревского конца. Здесь найдены и другие паломнические реликвии, свидетельствующие об интенсивности контактов местных жителей с Византией, в частности, каменная иконка «Христос во гробе» (1161 — 1197 гг.). Она отражает распространение почитания Константинопольского образа Божией Матери Одигитрия, на обороте которого было помещено изображение Спасителя идентичной иконографии [8].

Гораздо ближе к нашей ставротехе фрагмент креста, найденный на усадьбе «А» Нутного раскопа в 1980 г. в том же Славенском конце Великого Новго-

рода [9] (рис.2:8). Крест, датируемый периодом 1210 — 1260 гг., скорее всего — 1230-ми гг., не только изготовлен из стеатита (правда, несколько иного, желто-серого цвета), но и несет на себе аналогичные врезанные прямоугольники и шестиконечный крест. Таких углублений было не менее шести. Крест достаточно долго использовался, о чем свидетельствует сильная потертость ушка для привешивания. Уникальность этого экземпляра заключается в том, что в верхней перекладине вырезанного креста сохранился заполнявший ее фрагмент дерева! Эта находка решает вопрос о характере реликвии, хранившейся в центральном крестообразном углублении палестинских ставротек. Оно было целиком заполнено деревянными вставками, предположительно освященными на Голгофе. Морфологическая, хронологическая и топографическая близость «посольской» и «нутной» находок свидетельствует об их возможном изготовлении в одной мастерской в Святой Земле и о практически одновременном попадании в Новгород в результате паломничества лиц, возможно принадлежавших к одной социальной организации. Усадьбы, исследованные на Нутном раскопе, в домонгольский период могли быть связаны с княжеской администрацией.

Реликвии из Святой Земли не только расширяют наши представления о материальной культуре средневекового паломничества, но и одновременно свидетельствует об открытости христианства Древней Руси к контактам с выходцами из латинской Европы, контролировавшими в Палестине мастерские по изготовлению реликвий [10]. В то же время новгородские находки вписываются в основную хронологическую серию предметов личного благочестия, которые можно сопоставить с паломничеством. К ним относятся прежде всего кресты из перламутра и стеатита. Мастерская по их изготовлению находилась в замке Атлит близ Хайфы [11]. Подобные кресты, массовые находки которых датируются начиная со второй половины XII в., известны в материалах Новгорода, Пскова, Смоленска, Старой Рязани, Киева, Звенигорода Галицкого, Херсонеса и других древнерусских городов [12]. Это хорошо соотносится с данными письменных источников середины XII в., повествующих об обеспокоенности иерархии, в частности архиепископа Новгородского Нифонта (1131 — 1156), массово развернувшимся паломничеством русских людей к святым местам Палестины [13].

Выявленная на материалах Древней Руси достоверная хронология стеатитовых изделий и их социальный контекст позволяют прояснить ситуацию с развитием византийского ремесла. Стеатит, называемый в греческих источниках «амиантос литос» — «чистый, незапятнанный камень», мог использоваться на протяжении всего существования византийской культуры. Однако археологически зафиксированному факту его массового использования в XI — XIII вв. противостоит мнение о ранней датировке целой серии культовых предметов из стеатитов.

Мнение о датировке стеатитовых крестов с округлыми в сечении ветвями концом VI в. принадлежит М.Россу [14]. Характеризуя подобный экземпляр из

*** Авторы благодарят заведующего сектором Центрального научно-исследовательского геологоразведочного музея им. академика Ф.Н.Чернышева Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П.Карпинского С.В.Мамонова за любезные консультации.

светло-зеленого камня в коллекции Думбартон Оакс, он указал, что подобный по форме крест этого времени был найден в Ливане [15]. Датировка основывалась на форме плетеной цепочки креста, напоминающей подобный предмет в Кипрском кладе VI в. Впоследствии было доказано, что цепочка не могла быть изготовлена в эпоху поздней античности [16], однако дата крестов в музейных собраниях так и осталась не пересмотренной [17].

Подобные находки в Тырнове (Болгария) [18], Нише (Сербия) [19] и Новгороде [20] достаточно узко датировали время депозиции подобных крестов второй половиной XII — началом XIII вв. Одновременно исследования на территории самой Византии выявили массовые находки этих крестов в погребениях средневизантийской эпохи: такие открытия были сделаны в Стамбуле (Сарачаны) [21] и в ксенодохии св. Сампсона рядом с храмом св. Софии [22], монастыре Алахан [23], а также на территории Греции — в Фивах, Магне (Тигани), Номе де Килкис и на Родосе [24]. Известно несколько экземпляров подобных крестов, происходящих из раскопок памятников на территории Израиля и Палестины (Horgvat Nur, Tel Shoqet, Вифлеем), что традиционно рассматривалось как свидетельство в пользу их раннего бытования, не выходящего за пределы VII в. [25]. Однако в ряде случаев мы имеем дело с открытыми комплексами — костницами, которые использовались вплоть до позднего средневековья. Независимые исследования также подтвердили факт активного распространения предметов культа из стеатита начиная с XI в. [26].

Хронология развития ремесла резьбы по стеатиту, как и появление в X в. медной литургической посуды, покрытой оловянистым подражанием серебру [27], явилось следствием византийской реконквисты IX — XI вв. Месторождения стеатита в этом регионе как раз связаны с составом каменных пород сиромалоазийского пограничья, как и оловянные шахты в горах Тауруса. Однако возможность доступа византийцев к этим месторождениям совпала с эпохой серьезных социальных изменений. В эту эпоху возрастает значение среднего класса, который стремится подражать имперской аристократии, но, не обладая достаточными материальными возможностями, вынужден лишь имитировать ее роскошь с помощью более дешевых материалов. Стеатит был в глазах «новых византийцев» столь же достойной заменой слоновой кости [28], как и покрытая оловом медь — настоящему серебру. Известна серия печатей из стеатита стандартных форм, бытование которых охватывает собой весь европейский мир. Такая печать, в частности, происходит из Йорка (Англия), где она принадлежала собирателю налогов Снарусу [29]. Это вновь подчеркивает социальную статусность материала.

Если А.Катлер и И.Калаврезу-Максайнер считали, что основное количество предметов культа из стеатита было связано с константинопольскими мастерскими, то А.Каждан подчеркивал, что рост провинциального производства способствовал становлению региональных резчиков и их школ [30]. К тому же взлет городов в Византии X — XI вв. привел к появлению феномена депрофессионализации и популя-

ризации художественного ремесла [31]. Совершенно очевидно, что стеатитовое производство существовало в разных социальных измерениях и художественных проявлениях. Константинопольские мастерские в XI — XII вв. ориентировались на вкусы столичного среднего класса, снабжая его иконографией высокого качества. Провинциальные ателье обслуживали интересы тех, кто пытался «дотянуться» до этого социального уровня, в том числе и через паломничество, изготавливая для них реликвии — кресты и ставротеки. Древнерусские материалы позволяют по-новому оценить структуру византийского ремесла, его региональную дифференциацию, а также дают возможность увидеть общину средневекового Новгорода как специфическую часть Византийского Содружества, представители которой стремились к религиозным ценностям империи.

Исследование выполнено в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

1. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI — XIII вв. // Тр. ИИМК РАН. Т. VII. СПб., 2003. С. 30, 140-141, 173-178, 236. Табл. 103-104.
2. Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX — XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности // Тр. ИИМК РАН. Т. V. СПб., 2002. С. 181. Рис. 110:4.
3. Там же. С. 182-183. Рис. 111.
4. Там же. С. 180. Рис. 108.
5. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke* / Bearb. von O. Wulff. Berlin, 1911. 2 v. Taf. V. № 1859.
6. Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine icons in steatite. Wien, 1985. T. 1. P. 16, 95-110; T. 2. Pl. 1.
7. Размеры 45×35×6 мм; полевой номер 16-1799-52; номер музейного хранения КП 34767/A78/44. См.: Мусин А.Е. Усадьба «И» Неревского раскопа. Опыт комплексной характеристики христианских древностей // Новг. археол. чтения — 2. Мат. науч. конф., посвященной 70-летию археол. изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новг. археол. экспедиции А.В. Арциховского. В. Новгород, 21-24 сент. 2002 г. В. Новгород, 2004. С. 139, 140. Рис. 2:11.
8. *Mother of God. Representations of the Virgin in Byzantine Art*. Ed. M. Vassiliaki. Athens, 2000. P. 484-485. № 83.
9. Реконструируемые размеры: 70×45×9 мм; полевой номер 17/16-22-33; номер музейного хранения КП 31296/A72/209. См.: Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 106. Рис. 77:2.
10. Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006. С. 189-190.
11. Johns C.N. *Pilgrims Castle (Atlit), David Tower (Jerusalem) and Qalat ar-Rabad (Ajlun). Three Middle Eastern Castles from the Time of the Crusades*. Vermont, 1997. P. 15-17, 119-120, 147, 149. Pl. LX fig. 2.
12. Мусин А.Е. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII — XV вв. // Богословские труды. К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847 — 1997). 1999. № 35. С. 92-110.
13. Памятники древнерусского канонического права. (Памятники XI — XV в.). Ч. 1 // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стр. 27, 32.
14. *Catalogue of the Byzantine and early Medieval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. By Marvin C. Ross. Washington, 1965. V. 2. P. 20, 24. Tab. XXIV. № 52. 12. 90.

15. Ancient Art in American Private Collections. Cambridge, 1954. №329.
16. Art of late Rome and Byzantium in the Virginia Museum of Fine Arts / By A.Gonosova and C.Kondoleon, L.Becker... [et al.]. Richmond, 1994. P.113. №39.
17. Die Welt von Byzanz — Europas ostliches erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. Ed. L.Wamser. Munchen, 2004. С.172, 314-315; Byzanz. Das Licht aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4 bis 15. Jahrhundert. Katalog der Ausstellung im Erzbischoflichen Diocesaneumuseum Paderborn 2001. Mainz, 2001. №336.
18. Totev K. // Cahiers archéologiques. 1992. №40. P.123-138; Totev K. // Arheologija. 1990. №3. S.48-58; Тотеv К. Наблюдения за някои паметници на преславската дребна каменна пластика // Плиска-Преслав. №6. София, 1993. С.197-201.
19. Коран В. Истраживање остатка храма св. Пантелеймона у Нишу // Зборник радова Византолошког института. XXXIX. Београд, 2001/2002. С.103-146.
20. Мусин А.Е. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. С.32.
21. Harrison R.M. Excavation at Sarachane in Istanbul. V.1. The Excavation, structures, architectural decoration, Small Finds, coins, bones, and Molluscs. Princeton, 1986. №№626, 628. Fig.427, 429.
22. Dirimtekin F. // Cahiers archéologiques. 1962. №13. P.161-185.
23. Gough M. Alahan. An Early Christian Monastery in Southern Turkey. Toronto, 1985. P.28-29.
24. Laskaris N.G. Monuments funéraires paleochretiennes (et byzantins) de Grece. Athenes, 2000. P.63, 58-59, 137, 195.
25. Cradle of Christianity. Ed. Y.Israeli, D.Mevorah. Jerusalem, 2000. P.141; Tzaferis V. // Liber annuus. 1975. T.25. P.5-52. Pl.7. Fig.4.
26. Loverdou-Tsigarida K. Minor Art // Treasures of Mount Athos: [exhibition, Thessaloniki, Museum of Byzantine culture, 1997]. Thessaloniki, 1997. P.279-284.
27. Mango M.M. The significance of Byzantine Tinned Copper Objects // Thimiamia. Sti mnimi tis Laskaris Mpoura. T.1. Keimena. Athina, 1994. P.221-227.
28. Cutler A. The hand of the master: craftsmanship, ivory, and society in Byzantium (9th — 11th centuries). Princeton, 1994. P.67, 248.
29. Ottaway P. Archeology in British towns from the emperor Claudius to the black death. London, 1992. P.194. Pl.6.7.
30. Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. L., 1985. С.40-41, 44, 74.
31. Oikonomides N. L'artiste-amateur a Byzance // Artistes, artisans et production artistique au Moyen Age. Colloque international 2-6 mai 1983. V.1. Les hommes / Dir. X.Barral i Atlet. Paris, 1986. P.45-51.